

Нонна Мончук

ГРАНЬ ДОПУСТИМОГО

18+

Полина Мельник

Грань допустимого

<https://litres.ru/74177742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она всю жизнь читала о похищениях. О том, как опасные мужчины врываются в жизнь героинь и переворачивают её с ног на голову. Но когда это случилось по-настоящему, она поняла: реальность страшнее и слаще любой книги.

Он появился из темноты. Забрал её из привычного мира и увёз в дом посреди леса. Он знает о ней всё — её привычки, страхи, тайные желания. Он не причиняет боли, но с каждым днём берёт над ней всё большую власть. И она не знает, что страшнее: его руки на её коже или то, как сильно она хочет остаться.

Семь дней, которые изменят её навсегда. Семь ночей, после которых она уже не будет прежней.

Но главный вопрос не в том, сможет ли она сбежать. Вопрос в том, захочет ли она этого.

«Грань допустимого» — роман о границах, которые мы сами себе ставим. И о том, что иногда, чтобы обрести себя, нужно потерять контроль.

Полина Мельник

Грань допустимого

Глава 1

В её мире существовало два вида темноты.

Первая — безопасная, уютная, пахнущая типографской краской и чуть сладковатым кофе. Это была темнота книжных страниц, где на обратной стороне обложки всегда прятался хищный мужской силуэт, а в тексте — фразы, от которых сладко замирало сердце и холодело внизу живота. В этой темноте она была богиней. Она переживала чужие падения, чужие сделки с дьяволом и чужое насильное счастье, чувствуя себя в полной безопасности под мягким светом торшера.

Вторую темноту она видела сейчас.

Она не заметила, как задремала. Тело расслабилось в глубоком кожаном кресле, книга «Пленница его тьмы» сползла на колени, открытая на середине. За окном спального района было тихо, только редкие капли дождя били по стеклу. В комнате горел только торшер — островок света в океане вечерней квартиры.

Щелчок.

Звук был резким, сухим, не похожим на обычный хлопок перегоревшей лампочки. Свет погас мгновенно, будто его вырвали с корнем. Тишина стала ватной, тяжелой, давящей

на барабанные перепонки.

Она открыла глаза, но разницы не увидела. Темнота была абсолютной, липкой. Сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле, испуганной птицей.

— Твою мать... — выдохнула она, шаря рукой по подлокотнику в поисках телефона, который оставила на журнальном столике.

Пальцы уже коснулись холодного стекла, когда реальность схлопнулась.

Воздух позади кресла дрогнул.

Она даже не успела вдохнуть для крика. Тяжелая, горячая ладонь, пахнущая кожей, табаком и уличным дождем, запечатала ей рот, вдавливая голову в спинку кресла. Вторая рука, стальная и бесцеремонная, перехватила её поперек талии, рванув вверх.

Тело, не успевшее даже испугаться по-настоящему, стало тряпичной куклой. Книга с гулким стуком упала на пол. Мир перевернулся: её перекинули через плечо, как мешок с зерном. Твердое, как камень, мужское плечо врезалось ей в солнечное сплетение, выбивая остатки воздуха. Она дернулась, попыталась брыкнуть ногой, но хватка на талии лишь усилилась, до боли, до синяков.

— Тш-ш-ш, — раздалось из темноты.

Голос был низким, хрипловатым, пробирающим до костей. В нем не было злобы. В нем не было даже особой угрозы. В нем было то, что страшнее — спокойная, абсолютная

власть. Так говорят с вещью, которую только что взяли в руки и не собираются возвращать.

Она, библиофил со стажем, узнала бы этот тон из тысячи. Именно так разговаривали герои её любимых дарк-романов. Именно так начинали свои игры те, от кого «сносило крышу» героиням.

Но сейчас это был не книжный герой.

Он стоял в её гостиной. Реальный. Живой. Чужой.

Она хотела закричать, но ладонь только плотнее прижалась к губам, запах его кожи заполнил легкие. Она хотела сопротивляться, но тело, предательски вспомнившее все прочитанные сцены похищений, казалось, налилось свинцом. В ушах шумела кровь.

Мужчина развернулся, и она боковым зрением, сквозь пелену ужаса, уловила движение в темноте. Он уверенно, словно бывал здесь сотню раз, шагнул в сторону прихожей.

Проходя мимо столика, её лицо оказалось в нескольких сантиметрах от оставленного там телефона. Экран вдруг вспыхнул — пришло уведомление. Беззвучный режим. Яркая надпись осветила на секунду пятно пола.

Это был отрывок из рекламы книжного магазина: *«Он пленил её, чтобы сломать. Но разбить можно только то, что добровольно отдаётся в руки...»*

Увидеть это сейчас, в этой ситуации, было дьявольской, чудовищной иронией.

Дверь квартиры распахнулась, впуская холодный воздух с

лестничной клетки.

— Не бойся, — снова этот голос, теперь прямо над ухом, горячее дыхание обожгло мочку. — Я просто решил, что пришло время нам познакомиться поближе. Ты ведь любишь опасных мужчин, малышка? Я часто видел, как ты улыбалась, читая свои книжки.

Сердце рухнуло в пятки.

Он видел. Он всегда был рядом.

Она перечитывала сцены насилия и страсти, предвкушая щекочущий нервы риск, не подозревая, что настоящая Тьма всё это время наблюдала за ней из окна напротив, с соседнего сиденья в автобусе, из-за стеллажа в библиотеке.

И сейчас эта Тьма несла её вниз по лестнице, перекинув через плечо, как трофей.

Книжный роман кончился. Начиналась её собственная, безжалостная, темная история, где она была не читателем, а главной героиней. И право вето на происходящее только что аннулировали.

Глава 2

Лестница качалась перед глазами, мелькали пролеты, ступени, холодные стены подъезда. Она билась в его хватке, но это было похоже на попытки мухи пробить стекло. Каждое её движение он гасил простым усилием мышц, даже не сбиваясь с шага. От него пахло дождем, прелой листвой и чистым, концентрированным адреналином, который, казалось, источала его кожа.

На улице моросил мелкий, липкий дождь. Фонари горели тускло, сквозь пелену воды. Она успела заметить асфальт, лужи, свои босые ноги, белые на фоне темноты, а затем — багажник.

Черный, лакированный, зияющий пустотой.

— Нет... Нет, пожалуйста, не надо! — замычала она сквозь ладонь, дернувшись с утроенной силой, когда поняла, куда он её несет.

Он даже не замедлился.

Крышка багажника взлетела вверх с мягким, пневматическим шипением. На секунду она увидела его лицо. Балаклава. Черная, облегающая, скрывающая всё, оставляющая лишь прорези для глаз. И оттуда на неё смотрели глаза.

Ярко-синие. Невозможные. Как два осколка средиземного моря, вставленные в матовую черноту маски. В них не было злости — только холодное, изучающее любопытство. Он смотрел на неё, как смотрят на бабочку, прежде чем насадить на булавку.

А потом мир сжался.

Её швырнули внутрь. Жестко, но не больно — он подстраховал затылок ладонью в последнюю секунду, но это движение было механическим, как забота хозяина о целостности вещи. Она ударилась спиной о жесткий пластик обшивки, попыталась приподняться, вцепиться ногтями в край, но тяжелая крышка багажника уже пошла вниз.

Последнее, что она увидела перед тем, как темнота стала

абсолютной — эти синие глаза. Они смотрели на неё сверху вниз, пока тьма не поглотила их.

Гулкий, глухой удар.

Звук защелкивающегося замка прозвучал как выстрел.

Она закричала. В полный голос, навзрыд, но звук утонул в толстом слое шумоизоляции и металла. Она заколотила кулаками по крышке багажника, но пластик и железо равнодушно гасили удары. Запах бензина, технических масел и старой резины заполнял легкие, смешиваясь с запахом собственного страха.

Через мгновение дрожь земли под ней сменилась вибрацией. Завелся двигатель. Мощно, басовито, урча, как огромный зверь после долгого сна. Машина качнулась, трогаясь с места.

Она замерла.

В полной темноте, в стальной коробке, несущейся в никуда, её мозг лихорадочно перебирал варианты. Никто не видел, как её уносили. Телефон остался на столике. Она даже не успела надеть обувь.

И тогда, в этой гробовой тишине, в ней начало просыпаться что-то странное. Тот самый механизм, который она так любила описывать в рецензиях к книгам: когда страх достигает пика, он либо ломает человека, либо перерастает в другое чувство. В холодное, острое, животное любопытство.

Синие глаза.

Они не отпускали её. В них не было ненависти. В них не

было похоти. В них был... интерес. Будто он знал её давно, будто она была его навязчивой идеей, которую он наконец-то материализовал, положив руки на капот.

Она вспомнила, сколько раз представляла подобное, листая страницы дарк-романов. Похищение. Безысходность. Власть. Только там героиня всегда оказывалась в замке, в особняке, в уютном плену у миллиардера-психопата. А она была в багажнике.

Машина плавно вписалась в поворот, и её тело перекачилось на другой бок, ударившись о что-то твердое. Она закусила губу, чтобы не заплакать от бессилия.

Кто он? Что ему нужно?

И главное, которое пугало сильнее всего: почему сейчас, когда случилось самое страшное, что могло случиться с девушкой в городе, сердце колотилось не только от ужаса, но и от какого-то запретного, глубоко запрятанного предвкушения?

Она зажмурилась в темноте.

Время в багажнике потеряло очертания. Пятнадцать минут? Час? Вечность? Она считала удары собственного сердца, повороты, остановки на светофорах, но сбилась после третьей минуты паники. Осталась только вибрация кузова, гул мотора и липкий, всепроникающий страх, смешанный с удушающей жарой замкнутого пространства.

Когда машина наконец остановилась и двигатель заглох, тишина ударила по ушам сильнее любого звука.

Она замерла, вцепившись пальцами в резиновый коврик под собой. Сейчас. Сейчас всё решится.

Щелчок замка прозвучал оглушительно. Крышка багажника взлетела вверх, и в лицо ударил электрический свет — не яркий, не солнечный, а ровный, желтоватый свет ламп. Она зажмурилась, но краем глаза успела увидеть бетонный пол, стеллажи с инструментами и знакомый черный силуэт.

Крытый гараж.

Его руки снова впились в нее, перехватывая за талию, и мир перевернулся. Плечо, твердое, как камень, снова врезалось ей в живот. Она висела тряпичной куклой, глядя на мелькающий бетонный пол, на собственные босые ступни, на его тяжелые ботинки, уверенно шагающие вперед.

Они прошли сквозь какую-то дверь.

И здесь реальность дала сбой.

Она ожидала подвала. Ожидала сырости, голых стен, цепей на стенах, как в книгах, которые она так любила. Но коридор, в котором она оказалась, был... обычным. До тошноты, до истерики обычным.

Светлый ламинат. Бежевые стены. На стене — аккуратная полочка для ключей и зеркало в деревянной раме. Пахло свежим ремонтом, деревом и, кажется, ванильным диффузором.

Истерический смех родился где-то в диафрагме и рванул наружу, но она подавила его, превратив в жалкий всхлип. Это смешно. Это же просто смешно. Её похитил маньяк, ко-

торый живет в обычной человеческой квартире из каталога ИКЕА? У него есть полочка для ключей?

Он не обратил на её всхлип никакого внимания.

Лестница. Второй этаж. Ещё один коридор.

Дверь распахнулась, и он внес её внутрь.

Комната. Милая, черт возьми, комната. Светлые обои, кровать с бежевым покрывалом, тумбочка с лампой, на подоконнике — комнатный цветок в горшке. Единственное, что выдавало в этом месте тюрьму — плотные черные шторы на окнах, забранные наглухо, без просвета.

Он опустил её в кресло. Деревянное, с подлокотниками, добротное такое, основательное. Она дернулась, пытаясь вскочить, но тяжелая ладонь легла ей на плечо, вдавливая обратно в сиденье.

— Сидеть.

Одно слово. Без крика, без угрозы. Но таким тоном говорят с собакой, которая уже знает, что будет, если не послушаться.

Из кармана своих черных тактических штанов он достал моток пластикового хомута. Белого, тонкого, но прочного, как сталь. Она смотрела, как его пальцы — крупные, с коротко стриженными ногтями и едва заметными шрамами на костяшках — ловко продевают пластик сквозь замок.

Рывок. Пластик впился в запястья, сведенные за спинкой кресла. Больно, но терпимо. Пока терпимо.

Он опустился на колени. Взял её лодыжку. Она дернула

ногой, целясь ему в лицо, но он даже не моргнул — просто перехватил ступню, как пушинку, и примотал к деревянной ножке кресла. Потом вторую.

Она сидела. Распятая в светлой, уютной комнате. Руки за спиной. Ноги широко расставлены и зафиксированы.

Он выпрямился.

Взял второй стул. Поставил его напротив неё, метрах в двух. Сел.

Медленно, с хрустом в суставах откинулся на спинку, вытянул длинные ноги в тяжелых ботинках. И уставился на неё.

Она чувствовала, как сердце бьется где-то в горле, толчками отдавая в виски, в кончики пальцев, которые уже начали неметь от тугого хомута. Тишина в комнате стояла звенящая, абсолютная. Слышно было только её дыхание — частое, рваное — и его, спокойное, глубокое.

Балаклава все еще была на нем. Черная маска с прорезями. И в этих прорезях — осколки синего льда.

Он просто смотрел. Не говорил ни слова. Не двигался. Разглядывал её так, будто она была произведением искусства, которое он наконец-то заполучил в свою личную коллекцию. Прошелся взглядом по спутанным волосам, по бледному лицу, по губам, которые она кусала, чтобы не разреваться, по шее, где бешено пульсировала жила.

Она дернула связанными руками, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Чего тебе надо? — голос сорвался на хрип, прозвучал

жалко, тонко.

Он молчал. Лишь склонил голову чуть набок, продолжая изучать.

Минута. Две. Пять. Тишина давила на барабанные перепонки тяжелее любого крика. Она чувствовала, как по щеке медленно ползет слеза, но не могла её стереть — руки заняты.

Она смотрела на него и видела только эти глаза. Синие, как у сибирской лайки, и такие же холодные. Но в глубине, в самой глубине зрачка, ей померещилось что-то другое. Не безумие. Голод. Долгий, выдержанный, доведенный до точки кипения голод.

Наконец он шевельнулся.

Медленно, не сводя с неё взгляда, он потянулся рукой к затылку. Пальцы сомкнулись на ткани балаклавы.

Она перестала дышать.

Глава 3

Она смотрела, как его пальцы смыкаются на ткани. Сейчас. Сейчас она увидит его лицо. Увидит того, кто читал её мысли, кто следил за ней из темноты, кто вырвал её из уютного кресла и привез в эту светлую, чудовищно нормальную комнату.

Ткань поползла вверх.

Но вместо лица открылась... тьма.

Под балаклавой оказалась ещё одна маска. Черная, облегающая, закрывающая нос, скулы, губы, подбородок. Оста-

вались только глаза — всё те же пронзительно-синие — и линия челюсти, жесткая, волевая, которую маска не могла скрыть полностью.

Она выдохнула. Сама не заметила, что задерживала дыхание. Разочарование обожгло грудь, хотя секунду назад она молилась, чтобы никогда не видеть его лица.

И тогда она услышала звук.

Тихий, приглушенный тканью, но безошибочно узнаваемый. Он ухмыльнулся. Он видел её реакцию, видел, как дрогнули её глаза, как сжались губы, и это его забавляло.

— Так ли ты мечтала, чтобы тебя похитили? — спросил он.

Голос всё тот же: низкий, хриловатый, спокойный, как у диктора ночного радио. Ни капли агрессии. Только ровная, уверенная власть.

— Когда читала свои замечательные романчики, — добавил он, и в голосе проскользнула насмешка.

Она всхлипнула. Громко, по-детски, некрасиво. Слезы хлынули градом, заливая щеки, шею, вымокший воротник футболки. Ей было стыдно, страшно, и где-то глубоко, на самом дне сознания, пульсировало то самое безумное, запретное возбуждение, от которого хотелось провалиться сквозь землю.

Он встал.

Она зажмурилась, ожидая удара, ожидая чего угодно. Но вместо этого услышала его шаги. Тяжелые, неторопливые.

Ботинки ступали по светлому ламинату совсем рядом.

Она открыла глаза.

Он стоял перед ней на корточках. Так близко, что она чувствовала тепло его тела, слышала его дыхание — ровное, спокойное, будто он не тащил только что девушку на плече, а спокойно сидел в кресле.

Его рука легла ей на бедро.

Властно. Тяжело. Ладонь, горячая, как утюг, накрыла голую кожу в опасной близости от того места, где заканчивались её пижамные шорты. Пальцы чуть сжались, впиваясь в плоть, оставляя следы, которые завтра превратятся в синяки. Она дернулась, но хомуты впились в запястья, напоминая, что бежать некуда.

А вторая его рука потянулась к её лицу.

Она инстинктивно дернула головой назад, вжимаясь затылком в спинку кресла, но он был быстрее. Его пальцы — те же, что минуту назад безжалостно сжимали пластиковый хомут — коснулись её щеки.

Нежно.

Ошеломляюще, невозможно нежно.

Он стер слезу с её скулы. Подушечкой большого пальца провел по мокрой дорожке, убрал влагу, погладил кожу. Движение было интимным, почти любовным. Так утешают любимую женщину после кошмара.

Но его глаза — эти синие осколки льда — смотрели холодно и изучающе.

Она замерла, боясь дышать. Контраст сводил с ума. Там, внизу, его рука прожигала бедро, напоминая, кто здесь хозяин. Здесь, на щеке, пальцы ласкали так бережно, что хотелось закрыть глаза и поверить в ложь.

— Тш-ш-ш, — выдохнул он.

Горячее дыхание ударило в шею, хотя маска скрывала его губы. Запах — тот же, что в квартире: кожа, табак, дождь и ещё что-то пряное, мужское, от чего кружилась голова.

— Ты столько ночей представляла это, — прошептал он, приблизившись почти вплотную. Глаза в глаза. Синие в серо-зеленые. — Перелистывала страницы, задерживала дыхание на сценах, где ломали таких, как ты. Дрожала от предвкушения, чувствуя себя в безопасности за книжной обложкой.

Пальцы на бедре чуть сдвинулись. На миллиметр. Сместились к внутренней стороне. Она вздрогнула всем телом, вцепившись пальцами в невидимые хомуты.

— А теперь, — его голос упал до шепота, интимного, проникающего под кожу, — безопасность кончилась. Осталась только книга. И я — твой автор.

Он чуть отстранился, но руки не убрал. Левая так и лежала на бедре, правая замерла на скуле, поглаживая большим пальцем висок.

— Скажи мне, маленькая читательница, — в синих глазах мелькнуло что-то, похожее на усмешку. — Ты всегда мечтала о похитителе, который будет плакать над тобой? Или о том,

кто заставит плакать тебя?

Она не ответила. Не могла. Губы дрожали, горло сжал спазм, а между ног, там, куда почти упирались его пальцы, пульсировало что-то горячее и позорное.

Он ждал. Терпеливо, как хищник, загнавший жертву в угол и знающий, что деваться ей некуда.

И тогда в его глазах мелькнуло что-то новое. Не голод. Не насмешка. Любопытство. Чистое, почти научное любопытство экспериментатора, который только что запустил реакцию и теперь наблюдает за результатом.

— Интересно, — проговорил он задумчиво, поглаживая её бедро. — Интересно, сколько страниц тебе потребуется, чтобы перестать бояться. Или чтобы полюбить свой страх.

Он убрал руку с её лица. Поднялся. Посмотрел сверху вниз, окидывая взглядом связанное тело, задранную футболку, обнажившую полоску живота, дрожащие колени.

— Отдыхай, — бросил он буднично, будто говорил «приятного аппетита». — Завтра будет долгий день.

Он развернулся и пошел к двери.

— Стой! — вырвалось у неё хрипло, отчаянно.

Он замер. Не обернулся.

— Что? — коротко, без эмоций.

Она не знала, что спросить. Зачем? Кто ты? Что ты со мной сделаешь? Но слова застряли в горле. Вместо этого вырвалось глупое, жалкое:

— Как тебя зовут?

Тишина. Секунда. Две.

Он усмехнулся. Тот же приглушенный маской звук.

— Зови меня Автором.

Свет погас. Дверь закрылась с мягким, почти неслышным щелчком.

Она осталась одна в темноте, привязанная к креслу, с запахом его рук на своей коже и диким, неукротимым пульсом между ног, который отказывался затихать.

Глава 4

Время в темноте текло иначе. Она то проваливалась в тревожную дремоту, склеивающую веки свинцом, то выныривала из неё с бешено колотящимся сердцем, не понимая, где находится. Комната плавала во мраке, и только плотные шторы на окнах напоминали, что за ними есть другой мир — тот, где она была свободна.

Сколько прошло? Час? Три? Пять?

Она сбилась со счета, когда дверь открылась.

Щелчок замка прозвучал как удар хлыста. Она вздрогнула, вжимаясь спиной в кресло, пытаясь хоть как-то защититься связанными руками.

Свет из коридора упал на пол золотистой полосой, и в этом свете возник силуэт.

Он переоделся.

Серые пижамные штаны, мягкие, свободные, сидели низко на бедрах. Черная футболка обтягивала торс так, что каждый мускул прорисовывался под тканью — широкие плечи,

мощная грудь, рельефный пресс. Босые ноги ступали по ламинату почти бесшумно. На лице — все та же черная маска, скрывающая нижнюю половину.

В руке блеснуло лезвие.

Она дернулась так резко, что кресло жалобно скрипнуло. В горле застрял крик, вырвался только сдавленный хрип.

— Тихо, — сказал он спокойно, даже не повышая голоса. — Это не для того, чтобы сделать больно.

Он опустился перед ней на корточки. Близко. Так близко, что она снова утонула в его запахе — чистый хлопок футболки, тепло кожи и всё тот же глубинный, мужской, сводящий с ума аромат.

И тогда его рука легла ей на ногу.

Нежно. Медленно. Ладонь скользнула от края пижамных шорт, где начиналась голая кожа бедра, вниз, по всей длине ноги. К колену. К икре. К лодыжке, стянутой белым пластиковым хомутом.

Она замерла, боясь дышать. Прикосновение было таким интимным, таким собственническим, что мурашки побежали по коже, а внизу живота все сжалось в тугую, болезненный узел.

Вжик.

Лезвие разрезало пластик с сухим щелчком. Нога дернулась, обретая свободу, но он тут же перехватил её чуть выше щиколотки, удерживая, поглаживая большим пальцем то место, где только что был хомут.

Вжик. Вторая нога освободилась.

Она не двигалась. Смотрела на его макушку, на то, как он сосредоточенно разрезает пластик, и чувствовала, как кровь приливает к лицу от стыда и непонятного, запретного возбуждения.

Он встал. Обогнул кресло.

Она услышала его дыхание за спиной, а через секунду его пальцы коснулись её шеи. Едва ощутимо. Кончиками пальцев он провел по нежной коже, где билась бешеная жилка, затем вниз, к плечу, оглаживая, успокаивая, дразня. По руке. К запястью, стянутому хомутом за спинкой кресла.

Вжик.

Руки упали ей на колени, безвольные, онемевшие. Она тут же прижала их к себе, растирая запястья, чувствуя, как иголки возвращающейся чувствительности покалывают ладони. Красные полосы от пластика горели на коже, уродливые, пульсирующие.

Он снова оказался перед ней.

Опустился на корточки. Взял её руки в свои — осторожно, будто они были сделаны из хрусталя. Перевернул ладонями вверх. Посмотрел на красные следы, исполосовавшие тонкую кожу запястий.

И поднес их к своим губам.

Она видела, как ткань маски чуть натянулась — он прижался ртом к тому месту, где хомут впивался в плоть. Он целовал её раны сквозь ткань. Долго. Медленно. Так, что жар

его дыхания проникал сквозь материю, согревая саднящую кожу.

У неё перехватило дыхание.

— Зачем? — прошептала она, не узнавая собственный голос.

Он не ответил.

В следующую секунду мир снова перевернулся. Его руки подхватили её под колени и за спину, рывок — и она уже висела на его плече, уткнувшись носом в широкую спину, чувствуя под щекой тепло футболки и рельеф мышц.

Два шага. Её опустили на кровать.

Перина мягко приняла тело, пружины чуть скрипнули. Она попыталась отползти, но он уже лег рядом, прижимаясь всем телом. Рука собственнически обвила талию, притягивая ближе, вжимая в его горячий, твердый бок. Нога перекинулась через её бедра, фиксируя, лишая возможности пошевелиться.

Она замерла, чувствуя, как его сердце бьется где-то под лопаткой — ровно, мощно, успокаивающе.

Губы — скрытые маской, но она чувствовала жар — коснулись её уха.

— Спи, — прошептал он. Тихо. Хрипло. Приказ, замаскированный под заботу.

Она лежала, вжавшись в подушку, боясь дышать, боясь шевельнуться. Его тело обжигало через тонкую ткань пижамы. Рука на талии давила тяжело и надежно. Дыхание — ров-

ное, глубокое — щекотало волосы на затылке.

Он засыпал.

Он, мать его, засыпал рядом с ней, как будто они были любовниками, как будто это было нормально.

А она лежала с открытыми глазами в темноте, чувствуя, как бешено колотится сердце, как пульсирует кровь в запястьях, которые он целовал, и как тело предательски тает от его тепла.

Она ненавидела его. Она боялась его. Она хотела вырваться и бежать, не оглядываясь.

Но она не двигалась.

Потому что глубоко внутри, там, где жили все её темные, стыдные желания, которые она кормила книгами, кто-то тихо, ехидно шептал: «Ну вот, детка. Ты всегда этого хотела. Только боялась признаться».

Слеза скатилась по виску и утонула в подушке.

Она не знала, что будет утром. Не знала, выживет ли. Не знала, захочет ли выжить.

Она не заметила, как уснула.

Провал был глубоким, без снов — организм просто отключился, не выдержав перегрузки адреналина. Последнее, что помнила: тяжесть его руки на талии, тепло широкой груди за спиной и ровное дыхание, щекочущее затылок.

Проснулась от света.

Солнце било в глаза, заливало комнату золотом, плясало зайчиками на бежевых стенах. Она села рывком, хватанув

воздух ртом, как утопающая.

Кровать была пуста. Рядом — вмятина на подушке, складка на простыне. Он ушел.

Она вскочила, пошатнувшись от резкости. Шторы были распахнуты настежь. За ними... лес.

Сосны, высокие, стройные, уходили вдаль насколько хватало глаз. Ни дома напротив, ни дороги, ни столбов с проводами. Только море зелени и серо-голубое небо. Глушь. Административный ад.

Она кинулась к окну, вцепилась пальцами в раму, заскользила по гладкому пластику в поисках ручки. Её не было. Глухое окно. Стеклопакет, намертво вмурованный в стену.

— Нет, нет, нет...

Схватила стул. Тяжелый, деревянный, тот самый, на котором она просидела полночи. С силой, отчаянием, криком швырнула в окно.

Стекло даже не дрогнуло. Стул с глухим стуком отскочил, упал на пол, оставив на идеально белой раме едва заметную царапину.

Она замерла. Испуганно. Обреченно.

Повернулась к двери.

Приоткрыта. Тонкая полоска света из коридора.

Тишина в доме стояла звенящая, ватная, как в библиотеке. Она на цыпочках подкралась к двери, прижалась ухом — ничего. Выглянула.

Пустой коридор. Светлый ламинат. Внизу, судя по тиши-

не, тоже никого.

Осторожно, стараясь ступать бесшумно, она спустилась по лестнице.

Первая дверь — та, через которую он вносил её ночью. Кодовый замок. Черный, цифровой, с маленьким дисплеем. Черт. Черт!

Метнулась к другой — выход на улицу, судя по планировке. Тот же замок. Четыре цифры. Четыре гребаные цифры отделяют её от свободы.

Она замерла посреди гостиной, тяжело дыша, и тут до неё дошло.

Она огляделась.

По-настоящему. Впервые с момента похищения.

Светлый диван, дизайнерский, из дорогого магазина. Журнальный столик с глянцевыми журналами. Кухня-студия с островом, мраморной столешницей и барными стульями. На подоконнике — фикус в керамическом горшке ручной работы. Телевизор во всю стену.

Истерический смехок вырвался из горла. Хриплый, надрывный.

Это был дом мечты. Тот самый, который она сохраняла в пинтересте, которым восхищалась в инстаграм-блогах про интерьеры. Скандинавский минимализм. Светлые тона. Много воздуха и дерева. Дом гребанной мечты.

Не хватало только золотистого ретривера, который бегал бы по этому ламинату и вилял хвостом.

— Твою мать, — выдохнула она вслух. — Я в каталоге ИКЕА. Меня похитил дизайнер-маньяк.

И в этот момент она услышала звук.

Щелчок замка. Дверь — та, что вела в гараж — открылась.

Он вошел в гостиную.

Воздух застрял в легких.

Пижамные штаны. Серые, мягкие, сидят низко на бедрах.

Выше — только кожа. Влажная, блестящая, покрытая мурашками после душа. Широкие плечи, рельефная грудь, кубики пресса, которые хочется пересчитывать пальцами. Темные дорожки волос спускаются от пупка вниз, туда, где начинаются штаны. Волосы на голове мокрые, взъерошенные, темные пряди падают на лоб, на глаза.

На лице — маска. Все та же, черная, закрывающая нос и рот. Но теперь это выглядело дико, нелепо, почти комично. С таким телом — и прятать лицо? Это как надеть мешок на «Давида» Микеланджело.

На груди блестели капли воды. Одна скатилась по прессу, нырнула в резинку штанов. Она проследила за ней взглядом и тут же одернула себя, чувствуя, как краска заливает щеки.

Твою мать. А это законно? У похитителей не может быть тела греческого бога. Это противоречит женской интуиции, самосохранению и вообще законам физики.

Он хмыкнул.

Увидел её, застывшую посреди гостиной, с перепачканными пылью от стула руками, в мятой пижаме, с дикими глаза-

ми и красными следами от хомутов на запястьях.

— С добрым утром, принцесса.

Голос все тот же: низкий, хриплый, с ленцой. Как будто они живут вместе сто лет и он привычно встречает её на кухне по выходным.

Она сглотнула. Горло пересохло.

— Я... я пыталась разбить окно, — почему она это сказала? Зачем признаваться? Дура.

Он усмехнулся — ткань маски чуть натянулась на скулах.

— Ударопрочное. Стекло триплекс. Ты бы скорее руку сломала, — он прошел к кухонному острову, взял полотенце, брошенное на стул, и лениво провел по влажным волосам.
— Голодная?

Она моргнула. Переход был слишком резким.

— Что?

— Голодная, спрашиваю. Завтрак буду делать. Яичница с беконом? Или ты по утрам кофе пьешь?

Он говорил буднично, открывая холодильник, доставая яйца, бекон, масло. Как будто это не похищение, а совместные выходные на природе.

Она смотрела на его широкую спину, на игру мышц под кожей, когда он тянулся за сковородой, и чувствовала, как реальность плывет.

— Ты... ты псих, — выдохнула она.

Он обернулся через плечо. Синие глаза блеснули насмешкой.

— Возможно. Но я хотя бы завтрак готовлю. А ты в моем доме пытаешься мебель ломать. Кстати, стул потом на место поставь.

Он отвернулся, разбивая яйца на сковороду. Шипение масла, запах бекона, уютное потрескивание.

Она стояла посреди гостиной, босая, в пижаме, с запястьями в синяках, и смотрела на мужчину своей мечты, который жарил ей яйца, пока она была в плену.

Где-то в голове щелкнул предохранитель.

— Ты... зачем ты это делаешь? — голос дрогнул. — Зачем ты притворяешься нормальным?

Он не обернулся. Перевернул бекон лопаткой.

— Я не притворяюсь, принцесса. Я и есть нормальный. Просто у меня специфические способы знакомиться с девушками.

— Знакомиться?! — голос сорвался на визг. — Ты вломился в мою квартиру, засунул меня в багажник, привязал к стулу, а теперь жарить мне яичницу и называешь это знакомством?!

Он выключил плиту. Повернулся. Облокотился спиной о кухонный остров, скрестив руки на груди. Мышцы перекатились под влажной кожей.

— А ты бы познакомилась со мной по-другому?

Она открыла рот и закрыла. Потому что... потому что, если честно, в баре, в кафе, на улице — она бы даже не посмотрела на такого. Слишком красивый. Слишком опасный

взгляд. Слишком много мужчины для её скромной жизни.

Он увидел ответ в её глазах.

— То-то же, — усмехнулся он. — Садись есть. Не волнуйся, яд не сыпал.

Он поставил перед ней тарелку. Яичница, бекон, поджаренный хлеб. Кофе — черный, без сахара, как она любила.

Откуда он знает?

Она не стала спрашивать. Села. Взяла вилку. Потому что сил не осталось, а пахло так, что желудок свело судорогой.

И она ест. Потому что выбора нет. И потому что это самый странный, самый сюрреалистичный, самый неправильный завтрак в её жизни.

— Ты любишь собак? — спрашивает он вдруг.

Она давится кофе.

— Что?

— Собак. Любишь? Мне казалось, ретривер вписался бы в интерьер. Золотистый.

У неё дергается глаз.

— Ты... ты читаешь мои мысли?

Он улыбается глазами. Синие осколки теплеют.

— Нет. Просто наблюдаю. Ты лайкала посты с ретриверами. И с этим интерьером.

Она замирает с вилкой у рта.

Он наблюдал. Долго. Внимательно. Знал, какой кофе она пьет, каких собак любит, в каких домах хочет жить.

— Кто ты? — шепчет она.

Он подходит к ней. Садится на корточки, как ночью. Берет её руки в свои, гладит большими пальцами красные полосы на запястьях.

— Я тот, кто даст тебе всё, что ты хочешь, принцесса. Даже то, о чем ты боялась просить.

Он подносит её руки к маске. Целует запястья сквозь ткань. Медленно. Нежно.

— Даже то, о чем ты читала в своих книжках.

Она не отнимает рук.

И это самое страшное.

Глава 5

Она закончила есть, хотя кусок в горло не лез. Жевала механически, чувствуя только соленый вкус бекона и горечь кофе, который оказался именно таким, как она любила — без сахара, с легкой кислинкой.

Он забрал тарелку. Чашку. Поставил в посудомойку, будто делал это сотню раз. Будто они были парой, которая живет вместе и делит быт.

Она сидела на барном стуле, босая, в мятой пижаме, и не знала, что делать. Руки замерли на столешнице, пальцы вцепились в край, как в спасательный круг. Бежать? Куда? Двери на кодовых замках, окна не бьются, вокруг лес. Кричать? Бесполезно.

Он подошел сзади.

Она даже не услышала шагов — только почувствовала тепло, когда он прижался к ее спине. Руки обвили талию,

переплетаясь пальцами на животе. Подбородок лег на плечо, щекоча кожу тканью маски. Его грудь — все еще влажная после душа — прижалась к ее лопаткам.

Она замерла, боясь дышать.

— Чем хочешь заняться? — спросил он. Голос низкий, ленивый, довольный. Как у кота, который наконец-то заполучил хозяйку.

Истерический смех застрял в горле.

— Я хочу пойти домой, — выпалила она. Резко. Зло. С надеждой, что хоть это пробьет его броню.

Он хрипло рассмеялся. Коротко. Тепло.

— Глупышка, — выдохнул ей в ухо, отчего мурашки побежали по позвоночнику. — Ты уже дома.

Большие пальцы на животе задвигались. Медленные, круговые движения, успокаивающие, почти гипнотические. Сквозь тонкую ткань футболки она чувствовала жар его рук, шероховатость подушечек.

Тело предательски расслабилось. Всего на секунду, но она это почувствовала.

— Нет, — выдохнула она, пытаясь вернуть контроль. — Нет, пусти...

Но он уже подхватил ее под колени. Знакомый рывок — и мир перевернулся. Она снова висела на его плече, глядя на его ягодицы, обтянутые серыми пижамными штанами, на босые ступни, уверенно шагающие по ламинату.

Диван. Мягкий, светлый, огромный, как облако. Он опу-

стил ее, но не отпустил — усадил рядом, прижал к себе, закинув руку на плечи. Подтянул ближе, так что она уткнулась носом ему в грудь, и взял пульт.

Экран телевизора вспыхнул.

Она дернулась, узнав интро.

«Мыслить как преступник». Любимый сериал. Та самая серия, где они ловят сталкера, который следит за женщинами.

И пауза ровно на том моменте, где она остановилась позавчера.

Она смотрела на экран, на застывший кадр, и чувствовала, как реальность сворачивается в трубочку.

Еще один истерический смешок вырвался из горла. Хриплый, надрывный.

— Ты... ты серьезно? — прошептала она.

— Что? — он даже не смотрел на экран, возился с пультом, настраивая звук. — Я подумал, будет нечестно, если ты пропустишь. Вы же, девчонки, любите смотреть сериалы вместе с парнем.

Вместе с парнем.

Он сказал это так буднично, что у неё закружилась голова.

— Мне нужно на работу, — выпалила она первое, что пришло в голову. — Меня начнут искать. Полиция, родители, начальник...

Он лениво откинулся на спинку дивана, прижимая её крепче. Другой рукой поправил маску — жест, который уже

начинал её бесить.

— Не будут, — сказал он легко, будто речь шла о погоде на завтра.

— Что?

— Искать не будут. Ты ушла на больничный. Начальник передает, чтобы ты быстрее поправлялась и не переживала за отчеты. Сказал, что твои проекты пока распределили между коллегами.

Она замерла.

Повернула голову и посмотрела на него в упор. В синих глазах плясали блики от телевизора.

— Откуда... — голос сорвался. — Откуда ты знаешь, что сказал начальник?

Он улыбнулся глазами. Ткань маски натянулась на скулах.

— Я позвонил ему утром. Представился твоим парнем. Сказал, что ты слегла с температурой и просила передать. Он даже не удивился. Сказал, что ты редко болеешь, так что отдыхай.

У неё отвисла челюсть.

— Ты... ты говорил с моим начальником?

— Ага. Милый дядька. Я сказал, что ты скоро вернешься. Он обрадовался.

Она попыталась встать, но рука на плечах держала крепко, не больно, но непреодолимо.

— Пусти, — голос дрогнул.

— Посмотри сериал, — сказал он спокойно. — Тебе по-

нравится эта серия. Там как раз про то, как девочки влюбляются в тех, кто на них охотиться.

Она замерла, глядя на экран. На паузе был крупный план сталкера — мужчина в капюшоне, смотрит в окно спящей женщины.

Он нажал «плей».

Сериал пошел дальше. Героини обсуждали психологию жертв, привязанность к абьюзерам, стокгольмский синдром.

Она сидела, прижатая к его горячему боку, чувствуя, как его пальцы лениво перебирают пряди её волос, и смотрела в экран.

А он смотрел на неё.

— Знаешь, — сказал он задумчиво, когда серия подошла к середине. — Я всегда думал, что ты похожа на них.

— На кого? — голос сел.

— На жертв. Которые выбирают остаться. Потому что дома у них пусто, а здесь — есть ради кого просыпаться.

Она дернулась, хотела возразить, но слова застряли в горле.

Потому что он был прав.

Дома её никто не ждал. Работа — просто работа. Друзья — по переписке. Родители — в другом городе, звонят раз в месяц. Её жизнь была серой, пустой, безопасной.

А здесь — здесь было страшно. Здесь было неправильно. Здесь было так ярко, что глаза резало.

— Я не останусь, — прошептала она.

— Конечно, — легко согласился он. — Ты свободна.

Она повернулась к нему, вглядываясь в синие глаза за маской.

— Что?

— Свободна. Можешь уйти когда захочешь.

— Код от дверей?

— 0411, — сказал он без запинки. — Дата, когда я впервые тебя увидел.

Она замерла.

— Где?

— В книжном. Ты выбирала роман. Я стоял за стеллажом. Ты улыбнулась обложке, прижала книгу к груди, закрыла глаза. Как будто уже жила той историей. Я понял — ты моя.

Мурашки побежали по коже.

— Ты следил за мной с... с осени?

— Наблюдал, — поправил он мягко. — Заботился. Ты даже не знаешь, сколько раз я провожал тебя до дома, когда ты возвращалась поздно. Сколько раз отгонял тех, кто мог бы тебя обидеть раньше меня.

— Ты... ты псих, — выдохнула она.

— Возможно, — он улыбнулся глазами. — Но код ты запомнила. Можешь уйти прямо сейчас.

Она смотрела на дверь. На кодовый замок. Четыре цифры отделяли её от леса, от дороги, от свободы.

Она встала.

Он не держал.

Сделала шаг к двери.

Он смотрел телевизор.

Еще шаг.

Рука легла на холодный металл замка.

0411.

Она набрала цифры. Замок щелкнул. Дверь приоткрылась, впуская запах леса, свежести, свободы.

Она обернулась.

Он сидел на диване, расслабленный, полуголый, в маске, и смотрел на неё. Синие глаза — спокойные, без тени тревоги.

— Иди, — сказал он. — Если хочешь.

Лес манил. Свобода дышала в лицо.

Она смотрела на него, на его тело греческого бога, на руки, которые так нежно гладили её живот, на маску, скрывающую улыбку.

Вспомнила, как он вытирал её слезы. Как целовал запястья. Как жарил яичницу. Как знал её любимый кофе, её сериал, её мечты.

Никто никогда не знал её так.

Никто никогда не смотрел на неё так.

Она закрыла дверь.

Повернулась.

Подошла к дивану. Села рядом. Прижалась к его горячему боку.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она в его плечо.

— Знаю, — он поцеловал её в макушку сквозь маску. — Посмотрим, что будет завтра.

Сериал играл дальше. Сталкера поймали. Жертву спасли. Она плакала в кадре, обнимая полицейских.

Она смотрела и чувствовала, как его пальцы перебирают её волосы.

Свобода была за дверью.

Но там было холодно и пусто.

А здесь — страшно, неправильно, но тепло.

И она осталась.

Две серии пролетели как один миг.

Странное, сюрреалистичное ощущение — сидеть на диване, прижавшись к полуголому похитителю, и смотреть «Мыслить как преступник». Он перебирал её волосы, гладил плечо, иногда комментировал действия ФБР с видом профессионала, отчего у неё внутри всё холодело.

Она почти расслабилась. Почти поверила, что это просто странные выходные за городом с новым парнем.

И вдруг из глубины дома донесся звук.

Мобильный. Обычный, стандартный рингтон, без изысков.

Он вздохнул — она почувствовала, как поднялась и опустилась его грудь. Чмокнул её в макушку сквозь маску. Поставил сериал на паузу прямо на середине напряженной сцены.

— Отлучусь на минуту, — сказал он буднично. — Не ску-

чай.

Он встал с дивана и пошел в дальнюю комнату — ту, дверь в которую до сих пор была закрыта. Его босые ступни бесшумно ступали по ламинату, пижамные штаны сидели низко на бедрах, игра света на мышцах спины завораживал.

Он не закрыл дверь.

То ли забыл. То ли сделал специально. То ли ему было все равно.

Она замерла, прислушиваясь.

Голос доносился приглушенно, но слова можно было разобрать.

— Да. Слушаю.

Пауза. Видимо, собеседник что-то говорил.

— На ближайшую неделю я в отпуске. Перенеси все встречи.

Еще пауза. Голос стал жестче:

— Мне плевать, что этот хрен очень хочет подписать контракт. У меня отпуск. Точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.